

Роль и место России в процессах цифровизации мировой экономики

На современном этапе развития человечества происходит главное событие мировой истории. XXI век войдёт в историю не как век атома, не как век космоса и даже цифровизации или мировых войн, он войдёт в историю как век глобального демографического перехода, который меняет алгоритм развития человечества».

Встаёт вопрос: почему так случилось? Ведь мы – технологическая цивилизация, мы научились передавать информацию и в пространстве – из региона в регион, и во времени – из поколения в поколение. И сейчас вокруг нас меняется буквально всё и чрезвычайно стремительно.

В развитых странах из 100 человек в сельском хозяйстве работают двое, в промышленности – 10, в управлении – 13. Спрашивается: а что же должны делать ещё 75 человек?

Ответа два. Ответ, который дал в своё время Президент США Барак Обама, прост: мы построим многоэтажный мир и займём в нём верхний этаж, а все остальные – пусть как хотят, размещаются ниже нас.

Ответ второй – традиционные ценности всё ещё имеют значение: каждый человек в нашей цивилизации имеет право на жизнь, каждый – ценен сам по себе. По сути дела, именно сейчас будет решаться этот вопрос.

В США за золотое десятилетие – с 1958 по 1968 год, когда производительность труда росла на 2,5% в год, удалось создать «общество всеобщего процветания». Вместе с населением других развитых стран они сформировали новый привилегированный класс людей – «золотой миллиард».

И всё это обеспечили инновации, которые не имеют отношения к компьютерам. А сейчас производительность общественного труда в целом в мире начинает падать, и всё больше людей в нашем мире занимается непроизводительным, если не сказать –не влияющим на благосостояние людей, трудом. Достаточно указать на усиленные меры безопасности, применяемые в аэропортах и вообще на общественном транспорте – что стало следствием злонамеренных действий всего нескольких малочисленных групп террористов, и многое другое.

В 2000 году лауреат Нобелевской премии Ричард Стоун проанализировал, в каких отраслях компьютеры позволили поднять производительность труда, и выяснил, что таких отраслей нет, кроме одной – производство компьютеров.

За время развития компьютеров производительность компьютера выросла в 250 миллиардов раз. Ни одна технология не знала ничего

похожего. Компьютеры тотально внедрены, но производительность общественного труда во многих важнейших отраслях экономики, если и выросла, то весьма незначительно.

И при этом компьютеры сделали явным, подчеркнули очевидный факт – резкий рост неравенства в мире. И в этой ситуации у нас есть несколько альтернатив: первая – это бесконечные реформы, в результате которых мы скатываемся в средневековье; вторая – это новые войны, которые тянут назад огромные страны и целые регионы.

Создание «умной» техники, расширение сектора информационных технологий, цифровизация финансов, электронных услуг, внедрение диспетчерского управления движением транспорта, новый уровень логистики и т.д. всё ещё остаются прерогативой узких специалистов в области информационных технологий. И реализуемые ими поиски решений отдельных технических и технологических проблем, в которых всё более широко применяются средства использования сверхмощных вычислительных машин, накопления и обработки массивов статистических «больших данных» («Big data»), внедрения новых финансовых инструментов и технологий типа блокчейн и др., сами по себе не могут продвинуть нас в главном – в решении проблемы бескризисного и пропорционального развития экономики.

Сейчас развитие цифровой экономики многими воспринимается как панацея от всех экономических проблем. К ним, как правило, относятся представители ИТ-сектора, математики, увлечённые созданием экономико-математических моделей, а также статистики и учёные-эконометрики, использующие определённые количественные взаимосвязи статистических показателей для своего математического моделирования.

Всем указанным категориям исследователей особенно нравятся «Большие данные», поскольку они могут использовать эти данные для создания всё новых современных информационных, математических и эконометрических моделей. Но этот процесс, как мы видим, может быть бесконечным, не приводя нас к решению реальных экономических вопросов.

Всё же главной причиной продолжения глобального политического и экономического кризиса в мире является сложившаяся диспропорциональность мирового экономического развития или несоответствие развития отраслей экономики задачам её конечных потребителей – домашних хозяйств, государства, экспортёров. Диспропорциональность и хроническая всеобщая инфляция, запущенная в преддверии Первой мировой войны и продолжающаяся по настоящее время, сопровождается концентрацией мирового финансового капитала,

поглощающего государства-банкроты, подавляющего малый и средний бизнес, способствующая росту бедности и распространению международного терроризма, ухудшением мировой экологии и деградацией общемировой цивилизации в целом.

Принимая вектор развития в сторону глобализации, её идеологам представляется возможным эффективно внедрять разные направления цифровой экономики, развивая «Big Data», «умную» технику, «умные» отрасли и города, цифровые (электронные) финансы (FinTech), технологии проектирования (BIM) и государственные услуги (E-Gov), чипизацию граждан и т.д., ссылаясь на процессы саморегулирования в экономическом развитии.

Но такое стихийное внедрение разных форм цифровой экономики может быть достаточно эффективным с точки зрения снижения затрат в отдельных отраслях экономики и для отдельных участников экономической деятельности, но оно не даёт ожидаемого прироста эффективности с точки зрения экономии общественных затрат. И, тем более, эти факторы не могут сами по себе решить проблему выхода мировой экономики из затягивающего её глобального кризиса. И рассчитывать на решение этой проблемы с помощью технологии «Big Data», со всеми выстраиваемыми на её основе платформами и моделями, вовсе не приходится.

Действительно, в основе формирования «Big Data» лежит международный стандарт системы национальных счетов ООН. Между тем, хорошо известно, что информация, собираемая по методикам этого международного стандарта и используемая для расчёта основных макроэкономических показателей (Валовый внутренний продукт) и для ведения национальных счетов, отражающих наличие материальных ресурсов общества и результаты их использования в отдельных отраслях и секторах экономики, является не вполне достоверной, поскольку основывается на учёте затрат, и недостаточно полно устраняет последствия повторного счёта и межсекторальных дисбалансов.

Именно эта не вполне надёжная информация используется МФВ, Всемирным банком и правительствами разных стран Америки и Европы для прогнозирования развития экономики на базе известных эконометрических моделей, в которых сам процесс производства материальных благ рассматривается как «чёрный ящик» – с игнорированием существующих обратных связей в сфере взаимодействия бизнеса, государства и общества в целом.

Первый международный стандарт национальных счетов был внедрён ООН ещё в 1953-м году. Его данные уже тогда использовались для

проведения неких эконометрических расчётов. Все последующие международные стандарты, включая последний стандарт, принятый ООН в 2008-м году, лишь расширяли «экономiku больших данных» и поощряли создание всё новых и новых эконометрических моделей.

При этом отсутствие у ведущих разработчиков концепции цифровой экономики достаточно обоснованной политэкономической модели, позволяющей интегрировать технологии цифровой экономики в процесс разработки и обоснования политических и экономических управленческих решений, неизбежно ведёт к преобладанию их чисто технократических интересов.

На практике это выливается в наращивание всё новых и новых потоков «больших данных», загружающих излишней отчётностью 9 предприятия частного сектора и государственные организации. Информация, содержащаяся в их отчётах, затем многократно дублируется в самых различных формах и на самых различных уровнях управления. В результате такая, по сути, «ручная», рутинная, трудоёмкая работа учётных служб предприятий и организаций никак не повышает достоверность формируемых на национальном уровне «больших данных», но лишь неблагоприятно отражается на динамике производительности труда как на уровне предприятий и организаций, так и на уровне регулирующих их деятельность вышестоящих инстанций.

При этом следует подчеркнуть, что в странах-лидерах по показателю развития цифровой экономики на это обстоятельство обращают особое внимание и они в целом воздерживаются от «глобального подхода», предпочитая наращивать свои конкурентные преимущества на мировом рынке в отдельных, тщательно отобранных направлениях. Так, Великобритания, Сингапур и Дубай концентрируют свои усилия в сфере мировых финансов и FinTech, США – на развитии «интернета вещей», Китай – на наращивании экспорта продуктов и средств цифровых технологий и т.д.

В отличие от этих стран в России отмечается направленность именно к «глобальному подходу» – к развитию ИТ-сектора сразу по всем направлениям, не выделяя главные и не концентрируя усилия на развитии их конкурентных преимуществ. При таком подходе возможен и прорыв в лидеры и отставание от стран-лидеров именно по эффективности применяемых в экономике и в обществе информационных технологий. В современном мире ни одна страна не желает пассивно следить за тем, как страны-лидеры, занятые формированием новой глобальной цифровой экономики, ведут мир к надгосударственному, трансграничному роботизированному обществу с растущим социальным расслоением и

деградацией основной массы населения мира, которым отводится роль пассивных пользователей достижений цифровой экономики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выбор неправильного подхода к развитию цифровой экономики – только как «экономики больших данных» и роста числа пользователей средствами и инструментами информационных технологий, не только не решает главную экономическую задачу устранения растущей диспропорциональности мировой экономики, но и, наоборот, может стать дополнительным катализатором всё новых и новых рисков глобальных экономических и политических кризисов.